

Диакон Сергей Кульпинов

Становление и ключевые особенности сибирской обновленческой идеологии на раннем этапе (1922–1923 гг.)

УДК 271.2(571.1/.5)-86-9
DOI 10.47132/1814-5574_2024_2_317
EDN GKPSKR

Аннотация: Статья посвящена проблеме становления обновленческой идеологии в Сибири и ее ключевым особенностям, оформившимся к концу 1923 г. В исследовании ставится цель проанализировать процесс становления сибирской обновленческой идеологии и определить ее характерные черты и ключевые особенности. Впервые предпринимается попытка проследить зарождение, эволюцию и особенности идеологии Сибирской обновленческой церкви как структуры, интегрированной в обновленческий раскол в целом, но обладающей собственными отличительными чертами. Автор подразделяет внутрицерковные и политические идеологические установки сибирских обновленцев, анализируя их эволюцию в период становления раскола, а также влияние на этот процесс различных факторов, в первую очередь решений съезда «Живой церкви» в августе 1922 г. и обновленческого II Поместного собора в апреле-мае 1923 г. Значительное внимание уделяется зарождению сибирской обновленческой идеологии. Автор подчеркивает, что зимой 1922–1923 гг. Сибирская обновленческая церковь уже отличалась по идеологическим установкам от московского обновленчества, что позволяет рассматривать «Сибирскую Живую церковь» данного периода как отдельную церковную группировку. Делается вывод о том, что отличительной особенностью сибирской обновленческой идеологии являлась идея тотального внедрения «семейного епископата». В то же время политическое богословие сибирских обновленцев практически не имело специфических черт.

Ключевые слова: обновленческий раскол, Сибирская обновленческая церковь, обновленческая идеология, политическое богословие, обновленческий II Поместный собор, Предсоборный съезд «Живой церкви», «Живая церковь», «семейный епископат», левые теологии, «митрополит» Петр Блинов.

Об авторе: **Диакон Сергей Сергеевич Кульпинов**

Доктор церковной истории, кандидат богословия, доцент Томской духовной семинарии.

E-mail: agnus.dei@rambler.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3266-8876>

Для цитирования: Кульпинов С., диак. Становление и ключевые особенности сибирской обновленческой идеологии на раннем этапе (1922–1923 гг.) // Христианское чтение. 2024. № 2. С. 317–329.

Статья поступила в редакцию 31.12.2023; одобрена после рецензирования 27.01.2024; принята к публикации 17.02.2024.

KHRISTIANSKOYE CHTENIYE [Christian Reading]

Scientific Journal
Saint Petersburg Theological Academy
Russian Orthodox Church

No. 2

2024

Deacon Sergiy Kulpinov

Formation and Key Features of the Siberian Renovatoinist Ideology at an Early Stage (1922–1923)

UDK 271.2(571.1/.5)-86-9
DOI 10.47132/1814-5574_2024_2_317
EDN GKPSKR

Abstract: The article is devoted to the problem of formation of renovatoinist ideology in Siberia and to its key features, which had formed by the end of 1923. The aim of the study is to analyze the formation process of the Siberian renovatoinist ideology and identify its characteristic features, as well as the key ones. It is the first attempt to trace the origin, evolution and features of the ideology of the Siberian Renovatoinist Church as the structure integrated into the Renovatoinist Schism as a whole, but possessing its own distinctive features. The internal church and political ideological attitudes of the Siberian Renovatoinists are classified drawing on the analysis of their evolution during the formation of the schism, as well as the influence of various factors on this process, taking into account the decisions of the Congress of the “Living Church” (August, 1922) and the Second Renovatoinist Local Council (April–May, 1923) in the first place. Considerable attention is paid to the emergence of the Siberian Renovatoinist ideology. It is emphasized that in the winter of 1922–1923 the Siberian Renovatoinist Church already differed in its ideological attitudes from the Moscow Renovatoinism, which makes it possible to consider the “Siberian Living Church” of this period as a separate church grouping. It is concluded that the idea of the total introduction of «married episcopate» was a distinctive feature of the Siberian Renovatoinist ideology. At the same time, the political theology of the Siberian Renovatoinists had practically no specific features.

Keywords: Renovatoinist schism, Siberian Renovatoinist Church, Renovatoinist ideology, political theology, Second Renovatoinist Local Council, Pre-Council Congress of the “Living Church”, “Living Church”, “married episcopate”, left theology, “metropolitan” Peter Blinov.

About the author: **Deacon Sergey Sergeevich Kulpinov**

Doctor of Church History, Candidate of Theology; Associate Professor at Tomsk Theological Seminary.
E-mail: agnus.dei@rambler.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3266-8876>

For citation: Kulpinov S., deacon. Formation and Key Features of the Siberian Renovatoinist Ideology at an Early Stage (1922–1923). *Khristsianskoye Chteniye*, 2024, no. 2, pp. 317–329.

The article was submitted 31.12.2023; approved after reviewing 27.01.2024; accepted for publication 17.02.2024.

Введение

Проблема обновленческой идеологии в целом на сегодняшний день остается достаточно слабо изученной в отечественной науке. Преимущественно в ряде исследований затрагивались отдельные аспекты данной идеологии [Балыко, 2022; Мазырин, 2020; Мазырин, 2018, 276–277; Загребин, 2009, 90–91], однако не выстраивалась цельная картина становления и развития обновленческой идеологии. Попытка полноценного описания идеологии обновленчества была предпринята в докторской диссертации Д. А. Головушкина «Феномен обновленчества в Русском Православии первой половины XX века», однако автор, уделяя значительное внимание становлению идей церковного обновления в дореволюционный период, в меньшей мере рассматривает советское обновленчество и не заостряет внимание на идеологии отдельных обновленческих группировок и региональных особенностях обновленческой идеологии [Головушкин, 2020]. Если говорить об идеологии именно Сибирской обновленческой церкви и ее ключевых особенностях, то данная проблематика фактически ранее не исследовалась.

Вместе с тем в настоящее время левые христианские теологии привлекают все большее внимание исследователей [Konz, Ortmann, Wetz, 2020, 2; Уильямс, 2023, 9–10, 12]. В этом отношении анализ обновленческой идеологии как следствия влияния коммунистической идеологии на богословские концепции в СССР представляется весьма актуальным для современной богословской науки. В особенности любопытным представляется исследовать становление сибирской обновленческой идеологии и определить ее ключевые особенности, поскольку Сибирь определено на этапе становления раскола являлась одним из его «флагманов».

В рамках настоящего исследования ставится цель проанализировать процесс становления сибирской обновленческой идеологии и определить ее характерные черты и ключевые особенности.

Для достижения поставленной цели автором выдвигаются следующие задачи:

1. Рассмотреть процесс становления сибирской обновленческой идеологии и определить ее ключевые особенности на этом этапе;
2. Проанализировать вектор развития сибирской обновленческой идеологии после обновленческого II Поместного собора и обозначить ее характерные особенности во 2-й пол. 1923 г.

Основными источниками данного исследования являются неопубликованные материалы деятельности Сибирской обновленческой церкви и отдельных сибирских епархий, а также опубликованные постановления руководящих органов обновленческого раскола и материалы работы обновленческого II Поместного собора.

В рамках настоящей статьи автор прибегает к описательному, хронологически-проблемному и историко-сравнительному методам исследования.

Становление сибирской обновленческой идеологии (1922 — нач. 1923 гг.)

Процесс становления сибирского обновленчества начался вскоре после осуществления обновленческого переворота в Москве и выразился в захвате сторонниками раскола церковной власти в Томске. Эти события достаточно подробно описаны нами в предыдущих публикациях [Кульпинов, 2022а; Кульпинов, 2022б]. Здесь следует сказать, что первоначально идеология сибирских (томских) обновленцев принципиально не отличалась от общей обновленческой идеологии. Акторы церковного переворота в Москве говорили о необходимости лояльности советской власти и осуществления церковных преобразований, хотя в их программных документах эти преобразования фактически не конкретизировались. Некоторые стороны потенциальных церковных реформ затрагивались уже в первых номерах журнала «Живая церковь», хотя четких очертаний реформ, как следует полагать, в этот период не видели и сами

обновленческие лидеры (От редакции, 1922; Введенский, 1922а; Введенский, 1922б; Красницкий, 1922). Многие их положения, скорее, выглядели демагогически.

В этом отношении идеология зарождающейся Сибирской обновленческой церкви вполне соответствовала курсу, проводимому в Москве. Принципиальным вопросом, который был конкретизирован с самого начала становления обновленчества в Томске, была лояльность по отношению к советской власти и стремление всячески засвидетельствовать свое активное участие в кампании по изъятию церковных ценностей. Собственно активное участие в реквизиционных мероприятиях было одним из основных маркеров зарождающегося обновленчества, поскольку именно лояльные кампании духовенство стало фундаментом для становления раскола. Лояльность власти и активное содействие реквизиционной кампании постоянно декларировались в выходивших в Томске документах (ГАТО. Ф. Р-173. Оп. 1. Д. 371. Л. 22, 28; ГАТО. Ф. Р-173. Оп. 1. Д. 493. Л. 44, 66, 68). Кроме того, агитация по этим вопросам велась сторонниками Сибирской церкви в среде духовенства Томской епархии в июне 1922 г. (В обновленной, 1922; Таловский, 1922).

Отдельно следует сказать, что, как и на всероссийском уровне, сибирские обновленцы уже с первых дней после захвата церковной власти позиционировали себя в качестве части государственного аппарата. Если московские обновленцы говорили о конкордате и, принимая решения, чувствовали за спиной силу государственного аппарата [Краснов-Левитин, Шавров, 1996, 100–101], то в Томске Сибирское церковное управление рассматривало себя «церковным подразделением» Сибревкома, причем связь осуществлялась именно с Сибревкомом в Ново-Николаевске, а не с местными властями в Томске, поскольку уже через неделю после своего создания Томское церковное управление заявило о своих претензиях на осуществление церковной власти по всей территории Сибири (ГАТО. Ф. Р-173. Оп. 1. Д. 493. Л. 72–72 об.). Это положение определяло и вектор идеологии Сибирской церкви, который сводился к поддержке любых государственных инициатив и их пропаганде среди духовенства и мирян. Примечательно, что клиру Томской епархии в июне 1922 г. предписывалось в целях агитации освещать ряд решений Сибревкома в церковной проповеди (ГАТО. Ф. Р-173. Оп. 1. Д. 493. Л. 72–72 об., 74).

Что касается потенциальных церковных реформ, то они в этот период в меньшей степени определяли лицо обновленчества, как на общецерковном, так и на сибирском уровне. Несомненно, в состав руководящих обновленческих органов вошли активные сторонники церковных реформ, если говорить о Томске, то это председатель Сибирского церковного управления свящ. П. Блинов, член-секретарь управления А. П. Таловский и кандидат в члены прот. М. Торопов (Небывалый, 1922; Гражданин, 1922; Церквский, 1922), однако четкая реформистская идеология в этот период еще отсутствовала. Можно говорить о том, что на протяжении июня-июля 1922 г. вопрос реформ ограничивался в Сибири декларацией их необходимости и соответствующими докладами отдельных сторонников обновленческого раскола (В обновленной, 1922). Также можно определенно утверждать, что некоторые группы, поддержавшие Сибирское церковное управление в других сибирских епархиях, декларировали необходимость церковных реформ (К церковному, 1922; Борисова, 2016, 21), хотя крайне слабо конкретизировали их сущность.

Собственно первичным оформлением церковно-реформистской идеологии обновленчества определенно следует считать съезд «Живой церкви», прошедший в Москве с 6 по 17 августа 1922 г. Среди прочего, съезд выступил с резкой критикой монашеского епископата и монашества вообще, а также принял ряд постановлений, касающихся улучшения положения белого духовенства (Первый, 1922). Важно также отметить, что на съезде практически не учитывалось положение мирян в Церкви. Эти обстоятельства позволяют судить о строго корпоративных целях сторонников «Живой церкви».

Следует отметить, что стремления к отказу от монашеского епископата просматривались в обновленчестве с первых недель его существования, в частности, это

выразилось в поставлении нового «епископата» из вдового духовенства без принятия монашества. Однако в окончательном варианте антимонашеские настроения были выражены именно на съезде «Живой церкви», что привело к резкому недовольству части сторонников раскола и спровоцировало возникновение новой церковной группировки — «Союза церковного возрождения», некоторое время находившейся в острой конфронтации с «Живой церковью» [Лобанов, 2019, 94].

Следует сказать, что сибирская делегация в съезде участия не принимала, однако его решения отразились на дальнейшем становлении сибирской обновленческой идеологии. Совершенно определенно, что декларировавшиеся на съезде идеи, несмотря на решительность некоторых его участников, в первую очередь прот. В. Красницкого, не стали незамедлительно воплощаться в жизнь. В Сибири же санкция на внедрение «семейного епископата» была воспринята как прямое руководство к действию.

Первым шагом на пути к оформлению сибирской церковно-реформистской идеологии определенно следует считать принятие в общине в «сущем сане» бывшего еп. Зосимы (Сидоровского), снявшего сан и монашество в апреле 1920 г. Последний, несмотря на снятие сана и вступление в брак, не только был принят как «женатый епископ» под светским именем Александр, но и практически сразу назначен на кафедру в Красноярск с поручением временного управления Иркутской епархией (ГАИО. Ф. 485. Оп. 2. Д. 27. Л. 93–94). С одной стороны, следует сказать, что даже решения съезда «Живой церкви» все же не предполагали возможности вступления в брак для епископов-монахов, вопрос вступления монахов в брак на съезде поднимался, однако речь шла о монахах без сана в монастырях и монахах-священниках. Кроме того, съезд не подразумевал, что возможно принятие уже снявших сан и вступивших в брак монахов, хотя такие личности в период Гражданской войны не являлись единичным примером¹.

В этом отношении очень примечательно, что ситуация с принятием в «сущем сане» бывшего еп. Зосимы затрагивает вопрос о неизгладимости таинства священства. В обновленчестве эта проблема не имела однозначного разрешения, поскольку, с одной стороны, обновленцы в дальнейшем постулировали изгладимость священства, говоря о действительности лишения сана патр. Тихона на II Поместном соборе в 1923 г. (ГАИО. Ф. 485. Оп. 2. Д. 11. Л. 38; ГАИО. Ф. 485. Оп. 2. Д. 41. Л. 1; ГАНУ. Ф. Р-1485. Оп. 1. Д. 20. Л. 29), а если говорить о сибирском обновленчестве, то оно в этом вопросе в 1-й пол. 1920-х гг. пошло значительно дальше, постулируя идею о том, что всякий клирик, лишенный государственной регистрации, должен признаваться также лишенным и сана (ГАНУ. Ф. Р-1485. Оп. 1. Д. 20. Л. 79). То есть обновленцы использовали идею изгладимости священства в интересах борьбы со своими противниками. С другой стороны, когда речь шла о перерукоположениях клириков, принявших сан в обновленчестве, каноничными архиереями, обновленцы, напротив, отстаивали неизгладимость священства, чему была посвящена, например, статья проф.-прот. Н. Попова в «Вестнике Священного Синода» (Попов, 1927).

Тема учения об изгладимости и неизгладимости священства в обновленчестве, безусловно, является весьма интересной и заслуживает отдельного исследования, однако здесь следует отметить, что нет никаких убедительных доказательств того, что члены Сибирского церковного управления опирались именно на идею неизгладимости священства, принимая в «сущем сане» бывшего еп. Зосиму. Их логика, скорее, была иной, о чем отчасти свидетельствует представленный в материалах работы церковного управления подробный разбор мотивов снятия сана бывшим архиереем. Исходя из этого разбора можно сделать вывод, что сибирские обновленцы стремились представить дело так, что снятие сана произошло исключительно из-за стремления к вступлению в брак (ГАИО. Ф. 485. Оп. 2. Д. 27. Л. 93 об.), соответственно, после установления брачного епископата (хотя такового в действительности не произошло) возможно восстановление

¹ Здесь достаточно вспомнить о еп. Никоне (Бессонове), снявшем сан и вступившем в брак еще в 1917 г., однако следует сказать, что после окончания Гражданской войны о его жизни и местоположении было ничего не известно [Никон, 2018].

бывшего архиерея в сане. С другой стороны, определенно прав на восстановление в сане, даже в рамках этой логики, Сибирское церковное управление не имело, поскольку ранее подобные вопросы решались Поместным собором.

Пример бывшего еп. Зосимы фактически заложил основу для дальнейшего развития сибирской обновленческой идеологии в сторону установления «брачного епископата». Вместе с тем еще в сентябре 1922 г. церковное управление действовало в этом вопросе достаточно осторожно. Несмотря на принятие женатого «архиерея», руководство Сибирской обновленческой церкви не решалось ставить собственных брачных иерархов, ограничиваясь рукоположением в «епископский» сан вдовых клириков без принятия монашеского пострига: так были поставлены «епископы» Иоанн Завадовский и Николай Чижов — оба вдовые протоиереи (ЦДНИ ТО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 699. Л. 126; ГАИО. Ф. 485. Оп. 2. Д. 252. Л. 6.). Нерешительность Сибирского церковного управления в поставлении собственного брачного епископата едва ли можно обосновать отсутствием внутреннего единства или боязнью роста оппозиции. Следует полагать, что при наличии таких опасений не произошло бы и принятия бывшего еп. Зосимы (Сидоровского). Кроме того, совершенно определенно дальнейший конфликт между вошедшим в состав управления епископом старого поставления Софронием (Арефьевым) и председателем управления свящ. П. Блиновым, приведший к выходу еп. Софрония из управления и оформлению Временного управления Сибирской митрополии, стоящего на платформе «Союза церковного возрождения», имел личные, а не идейные мотивы, о чем более подробно нами писалось ранее [Кульпин, 2022б, 314]. По этой причине нельзя говорить, что нерешительность в вопросе поставления собственной «женатой иерархии» была связана с сопротивлением этой идее со стороны еп. Софрония (Арефьева).

Скорее представляется вероятным, что Сибирская церковь все же стремилась оформить свои решения соборно, создав, по крайней мере, видимость соборного признания семейной иерархии. При этом также представляется определенным, что, в отличие от московских обновленцев, сибиряки не предполагали ждать решения Поместного собора, а имели намерение провести собственный собор, что и произошло в октябре 1922 г.

Собственно первым обновленческим церковным собором в Сибири следует считать Всесибирский предсоборный съезд «Живой церкви», прошедший в Томске с 3 по 8 октября 1922 г. Рассматривая данный съезд с точки зрения формирования сибирской обновленческой идеологии, следует отметить, что он продолжил курс Сибирского церковного управления на полную лояльность советской власти, в частности, прямо говорилось о том, что борьбу с оппозицией следует осуществлять с опорой на представителей власти (ГАИО. Ф. 485. Оп. 2. Д. 29. Л. 6). Вместе с тем следует говорить о том, что определенное богословие власти и богословие революции у сибирских обновленцев в этот период еще не было выработано, о чем свидетельствует отсутствие упоминаний вопросов церковной апологии советской власти в материалах работы съезда.

Если говорить о собственно церковных преобразованиях, то съезд совершенно однозначно высказался за введение «женатого епископата» и постановил провести «архиерейскую» хиротонию председателя Сибирского церковного управления прот. П. Блинова (ГАИО. Ф. 485. Оп. 2. Д. 29. Л. 1, 4). Помимо этого, было определено упразднить монастыри, обратив их в приходские храмы, а также предложить монашествующим архиереям и священникам вступить в брак с возможностью продолжить служение. До определенной степени данные решения перекликались с принятыми на съезде «Живой церкви» в августе 1922 г., однако принципиальным сибирским отличием было стремление к тотальному внедрению «семейного епископата», оформившееся уже в постановлениях октябрьского съезда. Съезд, в частности, постановил уволить на покой всех архиереев-монахов (ГАИО. Ф. 485. Оп. 2. Д. 29. Л. 1). Кроме того, по всей вероятности, возможность продолжения служения для иерархов, вступивших в брак, была выведена из прецедента принятия в «сущем

сане» бывшего еп. Зосимы и также не соответствовала оформившемуся к тому моменту курсу «Живой церкви». Представляется вероятным, что аналогичные решения могли быть приняты в этот период и в Москве, поскольку предпосылки для них имели место уже в августе 1922 г., однако следует считать, что на всероссийском уровне обновленцы опасались принимать столь радикальные решения, поскольку уже постановления съезда «Живой церкви» в августе 1922 г. вызвали серьезное недовольство в обновленческой среде и привели к «расколу в расколе» — образованию «Союза церковного возрождения». В Сибири аналогичное разделение имело иные причины, кроме того, большинство обновленцев все же поддерживали радикальные решения в области брачного «епископата».

В целом можно сказать, что на Всесибирском предсоборном съезде «Живой церкви» окончательно оформляются основные идеи, которые можно считать в дальнейшем отличительными чертами сибирского обновленчества: стремление к повсеместному внедрению «брачной иерархии» и возможность снятия монашества архиереями-монахами с дальнейшим продолжением служения.

Отчасти можно говорить в целом об антимонашеском характере проведенного в Томске съезда, однако эта черта как раз соответствовала общей идеологии «Живой церкви» данного периода. Кроме того, решения в отношении борьбы с монастырями на епархиальном уровне проводились довольно робко, поскольку вызывали серьезное сопротивление со стороны духовенства и мирян. Так, в Томской и Иркутской епархиях со значительными трудностями было закрыто по одному монастырю (ГАТО. Ф. Р-173. Оп. 1. Д. 493. Л. 20; ГАИО. Ф. 485. Оп. 2. Д. 43. Л. 3). В Забайкалье, где власть обновленцев установилась только весной 1923 г., аналогичные меры вообще не проводились (ГАЗК. Ф. Р-422. Оп. 2. Д. 791. Л. 8).

Уже в октябре-ноябре 1922 г. в Сибири начинаются многочисленные «епископские» хиротонии женатого духовенства. Постепенно тезис о полной замене монашеского епископата брачным проводится в жизнь. В начале февраля 1923 г. образованное после поглощения Сибирской церковью Временного управления Сибирской митрополии Сибирское областное церковное управление рассылает по епархиям циркуляр, в котором с гордостью сообщает, что все кафедры в Сибири заняты белыми «епископами», получившими сан в обновленчестве. Подавляющее большинство новых «архиереев» являлись женатыми, двое — вдовыми (ГАНУ. Ф. Р-1485. Оп. 1. Д. 15. Л. 33–33 об.). После вхождения Дальневосточной республики в состав РСФСР ее территория также была объявлена канонически подчиненной Сибирской церкви, поэтому процессы распространения «семейного епископата» начались и на Дальнем Востоке (ГАНУ. Ф. Р-1485. Оп. 1. Д. 15. Л. 33 об.). Аналогично последовало увольнение на покой монашествующих архиереев, в том числе признавших обновленчество. В частности, на покой был отправлен еп. Гавриил (Воеводин), ранее поддерживавший Сибирскую обновленческую церковь (В Томске, 1922).

Определенно, повсеместное внедрение белого «епископата» следует считать отличительной чертой Сибирской обновленческой церкви данного периода, поскольку в остальном обновленчестве данной тенденции еще не просматривалось. Вокруг этого факта строится и церковная идеология Сибирского областного церковного управления. Данные обстоятельства фактически позволяют рассматривать «Сибирскую Живую церковь» этого периода как отдельную церковную группировку с оформляющейся собственной идеологией и церковными практиками, хотя, несомненно, сами обновленцы в Сибири еще не постулировали какого-либо обособления своих структур от Москвы. В этом смысле любопытно, что идея сибирской церковной автономии и даже автокефалии развивалась еще в период Гражданской войны, причем одним из ее носителей являлся свящ. И. Фокин (Фокин, 1918), в дальнейшем ставший видным деятелем обновленчества. Однако подобные воззрения в период становления сибирского обновленчества не были им восприняты.

Если говорить о политическом богословии сибирских обновленцев, то оно, с одной стороны, к нач. 1923 г. не претерпело принципиальных изменений, с другой —

богословское обоснование советской власти еще оставалось не разработано. Иными словами, обновленцы на уровне Сибири продолжали декларировать полную лояльность советской власти, однако не шли дальше в богословском осмыслении ее характера и установления.

Таким образом, на протяжении периода становления обновленческого раскола в Сибири его идеология отталкивалась преимущественно от решений съезда «Живой церкви» августа 1922 г., однако еще летом 1922 г. начала приобретать более радикальные черты. Несомненно, принятие в «сущем сане» бывшего еп. Зосимы (Сидоровского) заложило прецедент для дальнейших хиротоний брачных «епископов» в Сибири, однако эта идея окончательно оформилась только на Предсоборном съезде в Томске в октябре 1922 г. Причем после съезда сибирские обновленцы идут значительно дальше, постулируя тотальное введение женатой «иерархии», что позволяет воспринимать «Сибирскую Живую церковь» данного периода в качестве отдельной церковной группировки, только формально декларировавшей свое единство с «Живой церковью». Политическое богословие сибирских обновленцев данного периода не имело конкретных очертаний и ограничивалось декларациями лояльности советской власти, хотя изначально прослеживалась линия по повсеместной поддержке властей во всех их начинаниях.

Обновленческий II Поместный собор и идеология Сибирской церкви во 2-й пол. 1923 г.

Значительным событием для сибирской обновленческой идеологии стал обновленческий Поместный собор 1923 г. Совершенно определенно собор закрепил ряд идеологических установок, развивавшихся в обновленчестве ранее. Вполне очевидным представляется, что основной целью его созыва являлось отстранение от церковной власти патр. Тихона (Беллавина), что соответствовало интересам государственной власти, однако собор принял еще ряд важных для обновленчества решений. В частности, в области политической линии обновленцев проявилась полная солидарность с идеологическим курсом государства, выражением которой стало признание капитализма «смертным грехом» (Деяния, 1923, 7). Во внутрицерковных вопросах собор утвердил коллегиальную форму управления вместо патриаршества, установил допустимость хиротоний брачных «епископов», а также решил ряд иных вопросов (Деяния, 1923, 6, 8, 10–11, 12, 13, 15–18).

Для настоящего исследования представляется важным, что сибирская делегация стремилась использовать собор для признания и распространения своих нововведений, в первую очередь повсеместного распространения брачной «иерархии». При этом сами сибирские «епископы», прибывшие на собор, рядом обновленцев первоначально не признавались. Часть соборных делегатов справедливо полагала, что хиротонии брачных лиц в «архиерейский» сан до соответствующего официального общецерковного решения являются самочинными и неканоничными. Ярким выразителем такой точки зрения следует считать «митрополита» Антонина (Грановского) (ГАРФ. Ф. Р-5263. Оп. 1. Д. 55. Л. 20).

В итоге признание сибирского «епископата» последовало, вероятно, только после вмешательства ОГПУ, на что косвенно указывает записка В. Н. Львова (ГАРФ. Ф. Р-5263. Оп. 1. Д. 55. Л. 20–20 об.). Глава Сибирской обновленческой церкви «митрополит» Петр Блинов даже стал формальным председателем собора (Деяния, 1923, 1–2). Вместе с тем, насколько можно судить по протоколам соборных заседаний, сибиряки не приняли активного участия в обсуждении соборных решений.

Обращая внимание собственно на идеологию собора, следует отметить, что, согласно воспоминаниям обновленческого «архиепископа» Алексея Копытова, активно ратовал за признание капитализма «смертным грехом» на соборе Омский «архиепископ» Петр Сысуев (ГАИО. Ф. 485. Оп. 2. Д. 232. Л. 9). У нас нет оснований сомневаться в достоверности приведенного «архиепископом» Алексием рассказа, однако

в соборных протоколах этот факт отражен не был. Представляется вероятным, что «архиепископ» Петр мог активно поддерживать данную идею, но все же не он являлся инициатором данного постановления и наиболее активным его лоббистом.

В отношении белого «епископата» собор постановил уравнивать его в правах с монашествующим, однако в определениях не было сказано о главенстве женатой «иерархии» и замене ее представителями архиереев-монахов. В целом в этом вопросе соборные постановления выглядят даже более умеренными, чем решения съезда «Живой церкви» августа 1922 г., поскольку на соборе учитывались и мнения более консервативной части обновленчества, ранее вышедшей из «Живой церкви». Сибирские «хиротонии» были признаны, однако сибирская идея о тотальном распространении белого «епископата» не получила поддержки. В этом отношении сибиряки восприняли собор как поражение.

Следует сказать, что итоги собора, вероятно, породили стремление Сибирской церкви к большей автономии от Москвы. Это обстоятельство отмечалось и некоторыми церковными историками [Кузнецов, 2002, 307]. Идея тотального белого «епископата», не принятая собором, окончательно стала отличительной чертой сибирской обновленческой идеологии, вокруг которой строилась борьба между сибирским и московским обновленчеством. Вместе с тем летом 1923 г. Сибирь не пошла по пути маргинализации и в полной мере признала упразднение церковных группировок и образование обновленческого Священного Синода 8 августа 1923 г. В Сибири упразднение группировок произошло даже раньше соответствующего синодального постановления, в июне 1923 г. (ГАИО. Ф. 485. Оп. 2. Д. 27. Л. 111).

Учитывая неудовлетворенность сибирской делегации соборными решениями и дальнейший курс на автокефалию Сибирской обновленческой церкви, следует считать, что беспрекословное подчинение синодальным решениям в этот период могло являться не искренней позицией сибирских обновленцев, а воплощением директив советских карательных органов, стремившихся не допустить ослабления раскола столь масштабным внутренним разделением.

Курс на сибирскую автокефалию, базирующуюся на собственном взгляде на место семейного «епископата» в церкви, определенно был взят уже после собора, однако окончательно подобные взгляды будут провозглашены только по прошествии года — на II Всесибирском церковном съезде (ГАНУ. Ф. Р-1485. Оп. 1. Д. 20. Л. 85, 86–86 об.). В рамках анализируемого периода следует только сказать, что, несмотря на соборные решения, в Сибири продолжилось распространение исключительно женатой «иерархии», что обосновывалось собственной идеологией, отличной от магистрального обновленчества.

Отдельного внимания заслуживает и развитие политического богословия сибирского обновленчества в постсоборный период. В контексте очень резкого роста оппозиции расколу обновленцы, как в Сибири, так и в СССР в целом, были крайне заинтересованы в поддержке со стороны советской власти и опоре на нее в противодействии сторонникам каноничной Церкви. На этом фоне начинают конкретизироваться взгляды обновленцев на советское государство.

Прежде всего следует сказать, что идея тотальной лояльности советскому государству в этот период распространилась на уездном и приходском уровнях. При этом некоторые представители рядового обновленчества заявляли о своей готовности в любой ситуации отстаивать государственные интересы, поскольку именно советский политический строй виделся им идеальным воплощением государственного устройства. Такие идеи совершенно четко просматривались в приходах обновленческого Селенгинского викариатства Иркутской епархии (ГАИО. Ф. 485. Оп. 3. Д. 6. Л. 3) и отдельных сельских приходах Новосибирской обновленческой епархии (ГАНУ. Ф. Р-1418. Оп. 1. Д. 1В. Л. 32–32 об.). Активно указывалось на приходском уровне также на справедливость Октябрьской революции. Эти положения основывались на идее о том, что после революции установилось подлинное классовое равенство и прекратилась эксплуатация. В целом можно говорить о довольно радикальных формах

«революционного патриотизма»² на приходском уровне в Сибири. Например, подчеркивалась готовность умереть за идеалы революции и их распространение в мире (ГАИО. Ф. 485. Оп. 3. Д. 6. Л. 3).

На общесибирском и епархиальном уровнях аналогичные идеи, конкретизировавшиеся общим обновленческим тезисом о лояльности советской власти, стали активно пропагандироваться осенью 1923 г. В частности, в направляемых в епархии материалах Сибирской церкви говорилось о справедливости Октябрьской революции и классовой борьбы, а также о Божием наказании правивших ранее классов за их нетерпимость по отношению к пролетариату и крестьянству. Борьба с эксплуатацией воспринималась как подлинно христианское дело (ГАИО. Ф. 485. Оп. 2. Д. 11. Л. 37–39). Подобные воззрения присутствовали и в посланиях отдельных епархиальных «архиереев». В частности, Иркутский «архиепископ» Василий Виноградов писал о том, что «наказание Божие пало на дом Романовых» за многочисленные злоупотребления властью, подавление революционного пролетариата, а также «позорное распутинство» (ГАИО. Ф. 485. Оп. 2. Д. 11. Л. 1). Иными словами, большое внимание уделялось как обоснованию справедливости революции в силу Божия Промысла в истории, так и дискредитации прежней власти. В обновленческих циркулярах и посланиях в Сибири подчеркивался нехристианский характер монархии в России и ее многочисленные преступления.

Во многом эти идеи соответствовали общим тенденциям в обновленческой идеологии, отличительной чертой следует считать только обращение именно к сибирским реалиям в контексте оправдания Октябрьской революции. Например, «архиепископ» Василий Виноградов в своем послании много внимания уделял сибирской каторге и Ленскому расстрелу 1912 г. (ГАИО. Ф. 485. Оп. 2. Д. 11. Л. 1–1 об.).

Внимания заслуживает и тот факт, что в действиях советской власти виделось подлинное освобождение Церкви. Именно революция, а не Поместный Собор 1917–1918 гг. виделась сибирским обновленцам разрушением синодального периода и залогом дальнейшей церковной свободы. В связи с этим следует сказать и о последовательно проводимом сибирскими обновленцами тезисе аполитичности. Несомненно, под «аполитичностью» понималась полная лояльность советской власти, что совершенно не скрывалось, поскольку в исследуемых посланиях антонимами этому термину выступали понятия «контрреволюционность» и «реакционность» (ГАИО. Ф. 485. Оп. 2. Д. 11. Л. 38; ГАИО. Ф. 485. Оп. 2. Д. 31. Л. 60; ГАНУ. Ф. Р-1485. Оп. 1. Д. 20. Л. 20). Иными словами, «освобождение Церкви» в понимании обновленцев являлось фактически новым союзом с государством и продолжением сервиллизма по отношению к государству, причем, в сущности, это не скрывалось. Церковная свобода понималась именно в том смысле, что прежняя, монархическая, власть ущемляла права Церкви и угнетаемых классов, а новая «справедливо» относится к Церкви и населению. Вместе с тем данные положения нельзя считать исключительно сибирскими. Следует говорить о том, что они вполне отражают общие обновленческие идеологические построения данного периода (Обращение, 1923, 4).

Таким образом, после Поместного собора 1923 г. сибирские обновленцы укрепились в стремлении к тотальному внедрению женатого «епископата», постепенно начав воспринимать эту идею как маркер собственной идентичности и на этом основании претендуя на большую автономию от Москвы. В постсоборный период начинает конкретизироваться обновленческое политическое богословие в Сибири, которое постулирует справедливость и промыслительность Октябрьской революции и классовой борьбы. Воплощение Божия Промысла в установлении советской власти обосновывается сибирскими обновленцами в первую очередь прекращением эксплуатации и воцарением классового равенства. В этом отношении обновленческая пропаганда в Сибири определенно опиралась на штампы государственной пропаганды,

² Данный термин имел официальное хождение в СССР в значении «патриотизма» по отношению к советской республике как носителю революционных идеалов, в то время как «буржуазный патриотизм» осуждался [Родионова, 2009, 152].

придавая им религиозную окраску. Также в союзе с новой властью виделось подлинное «освобождение Церкви», что можно назвать общей для обновленчества тенденцией. В целом, политическое богословие сибирских обновленцев повторяло основные идеи остального обновленчества с определенными региональными акцентами.

Заключение

Обобщая выводы настоящего исследования, можно обозначить, что идеология Сибирской обновленческой церкви первоначально исходила из идей, декларированных «Живой церковью» летом 1922 г. Во многом сибиряки начали опираться на идеи, которые продвигались на съезде «Живой церкви» в августе 1922 г., однако достаточно быстро радикализировали тезисы московских обновленцев. В дальнейшем сибирские обновленческие идеи были приняты в качестве программы действий на Всесибирском предсоборном съезде «Живой церкви» в Томске, решения которого можно рассматривать уже в качестве фундамента собственно сибирской обновленческой идеологии. Окончательно эта идеология оформилась и получила практическое воплощение к нач. 1923 г. Второй обновленческий Поместный собор не удовлетворил сибирскую делегацию, поскольку ее идеи не были приняты на нем в полной мере, а собственно признание сибирского «епископата», который частью обновленчества воспринимался как самочинный, вероятно, последовало только после вмешательства властей. После собора постепенно оформляется курс сибирского обновленчества на большее обособление от Москвы, однако окончательно он получает развитие уже после 1923 г. Во 2-й пол. 1923 г. также конкретизируется политическое богословие сибирского обновленчества, которое изначально провозглашало лояльность советской власти, но не углублялось в богословскую аргументацию данной позиции.

Основной особенностью идеологии сибирского обновленчества, оформившейся в этот период, следует считать курс на тотальное внедрение «семейного епископата», который позволяет рассматривать «Сибирскую Живую церковь» как отдельную церковную группировку уже в период зимы 1922–1923 гг. Именно эта идея способствует курсу на обособление сибирских обновленцев от Москвы. В области политического богословия сибирские обновленцы в целом шли в русле общей обновленческой идеологии, постулируя союз с советским государством как подлинную церковную свободу, а также обосновывая справедливость и промыслительность Октябрьской революции и установления советской власти прекращением эксплуатации и воцарением классового равенства. Во многом обновленческое богословие в Сибири являлось своего рода церковной интерпретацией основных идей советской пропаганды нач. 1920-х гг. При этом радикальный «революционный патриотизм» имел место и на приходском уровне. Политическое богословие сибирских обновленцев нельзя назвать сугубо местным феноменом, скорее, отличие следует усматривать в отдельных обоснованиях справедливости советской власти, например в обращении «архиепископа» Василия Виноградова к дореволюционным несправедливостям в Сибири.

Источники и литература

Источники

1. Введенский (1922а) — *Введенский А., прот.* Что должен сделать Собор? // Живая Церковь. 1922. № 2. С. 5.
2. Введенский (1922б) — *Введенский А., прот.* Кто пойдет путем обновления Церкви? // Живая Церковь. 1922. № 3. С. 3.
3. В обновленной (1922) — В обновленной церкви // Красное знамя. 1922. 20 июня.

4. В Томске (1922) — В Томске. Среди церковников // Красное знамя. 1922. 18 октября.
5. ГАЗК — Государственный архив Забайкальского края. Ф. Р-422. Оп. 2. Д. 791.
6. ГАИО — Государственный архив Иркутской области. Ф. 485. Оп. 2. Д. 11; Д. 27; Д. 29; Д. 31; Д. 41; Д. 43; Д. 252; Оп. 3. Д. 6.
7. ГАНО — Государственный архив Новосибирской области. Ф. Р-1418. Оп. 1. Д. 1В; Ф. Р-1485. Оп. 1. Д. 15; Д. 20.
8. ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-5263. Оп. 1. Д. 55.
9. ГАТО — Государственный архив Томской области. Ф. Р-173. Оп. 1. Д. 371; Д. 493.
10. Гражданин (1922) — *Гражданин*. Отделение Православной церкви от контрреволюции // Красное знамя. 1922. 6 июня.
11. Деяния (1923) — Деяния II Всероссийского Поместного Собора Православной Церкви. М.: Высший совет Рос. Православной Церкви, 1923. 20 с.
12. Красницкий (1922) — *Красницкий В., прот.*, Группа прогрессивного духовенства и мирян «Живая Церковь» // Живая Церковь. 1922. № 3. С. 11.
13. К церковному (1922) — К церковному расколу // Власть труда. 1922. 17 августа.
14. Небывалый (1922) — Небывалый митинг во Дворце Труда. Тысячи верующих требуют передачи церковных драгоценностей голодающим // Красное знамя. 1922. 13 марта.
15. Обращение (1923) — Обращение Св. Синода к Православному народу // Вестник Священного Синода Российской Православной Церкви. 1923. № 1. С. 4–5.
16. От редакции (1922) — От редакции // Живая Церковь. 1922. № 3. С. 2.
17. Первый (1922) — Первый Всероссийский Съезд белого духовенства «Живая Церковь» в Москве // «Живая Церковь». 1922. № 8–9. С. 6–8.
18. Попов (1927) — *Попов Н., проф.-прот.* О неизгладимости благодати священства в связи с вопросом о восстановлении в священном сане // Вестник Священного Синода Православной Российской Церкви. 1927. № 7–8 (20–21). С. 19–23.
19. Таловский (1922) — *Таловский А. П.* В обновленной церкви. Опять за старое // Красное знамя. 1922. 30 июня.
20. Фокин (1918) — *Фокин И., свящ.* Всесибирский Церковный Съезд // Томский церковно-общественный вестник. 1918. № 32. С. 1–2.
21. ЦДНИ ТО — Центр документации новейшей истории Томской области. Ф. 76. Оп. 1. Д. 699.
22. Церквсный (1922) — Церквсный [sic! опечатка в источнике. — *диак. С. К.*] переворот в Томской епархии. Томское прогрессивное духовенство действует // Красное знамя. 1922. 7 июня.

Литература

23. Балыко (2022) — *Балыко Т. А.* Десакрализация царской власти в трудах идеолога обновленческого раскола профессора Б. В. Титлинова // Христианское чтение. 2022. № 2. С. 370–381.
24. Борисова (2016) — *Борисова В. В.* Обновленческий раскол в Тобольской епархии // Православие. Наука. Образование. 2016. № 2 (2). С. 192–197.
25. Головушкин (2020) — *Головушкин Д. А.* Феномен обновленчества в Русском Православии первой половины XX века: Дис. ... докт. филос. наук: 09.00.14. СПб., 2020. 458 с.
26. Загребин (2009) — *Загребин С. С.* Власть и обновленческий раскол в Русской Православной Церкви // Социум и власть. 2009. № 3 (23). С. 89–95.
27. Краснов-Левитин, Шавров (1996) — *Краснов-Левитин А. Э., Шавров В. М.* Очерки по истории русской церковной смуты. М.: Изд-во Крутицкого подворья, 1996. 672 с.
28. Кузнецов (2002) — *Кузнецов А. И.* Обновленческий раскол в Русской Церкви // Обновленческий раскол (Материалы для церковно-исторической и канонической оценки). М.: Об-во любителей церковной истории, Изд-во Крутицкого подворья, 2002. С. 128–605.
29. Кульпинов (2022а) — *Кульпинов С. С.* Возникновение и становление обновленческого раскола в Западной Сибири (июнь-август 1922 г.) // Известия ИГУ. Сер. Политология. Религиоведение. 2022. № 40. С. 93–104.

30. Кульпинов (2022б) — *Кульпинов С., диак.* Противостояние обновленческих церковных группировок в Сибири (сентябрь-декабрь 1922 г.) // *Христианское чтение.* 2022. № 4. С. 310–320.
31. Лобанов (2019) — *Лобанов В. В.* «Обновленческий» раскол в Русской Православной Церкви (1922–1946 гг.). СПб.: Петроглиф, 2019. 268 с.
32. Мазырин (2018) — *Мазырин А., священник.* Святой Патриарх Тихон и обновленческий раскол: совместимость несовместимого // *Христианское чтение.* 2018. № 3. С. 275–283.
33. Мазырин (2020) — *Мазырин А., священник.* Сравнительная характеристика обновленческого и григорианского расколов 1920–1940-х годов // *Христианское чтение.* 2020. № 2. С. 178–186.
34. Никон (2018) — *Никон (Бессонов Николай Николаевич)* // *Православная энциклопедия.* М., 2018. Т. 51. С. 8–9.
35. Родионова (2009) — *Родионова И. В.* Становление концепции советского патриотизма // *Власть.* 2009. № 4. С. 152–156.
36. Уильямс (2023) — *Уильямс Э. А. Д.* Христианские левые. Введение в радикальную и социалистическую христианскую мысль. М.: Новое литературное обозрение, 2023. 272 с.
37. Konz, Ortman, Wetz (2020) — *Konz B., Ortman B., Wetz C.* Postcolonialism and Intercultural Theology in Germany: Introductory Remarks // *Postcolonialism, Theology and the Construction of the Other. Exploring Borderlands.* Leiden; Boston: Brill, 2020. P. 1–7.